

© А.В. ДЕВЯТКОВ, С.В. КОНДРАТЬЕВ,
А.С. МАКАРЫЧЕВ, Е.А. ЧУВИЛЬСКАЯ

*devyatkovav@gmail.com, skondratiev@utmn.ru,
asmakarychev@gmail.com, ETschuwilskaja@yandex.ru*

УДК 303.01

ПРОБЛЕМАТИКА ОБРАЗОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена методологическим подходам к изучению образов, которые функционируют как элемент международных взаимодействий. Основной акцент делается на постпозитивистских исследованиях, которые представляются наиболее эвристичными при осмыслении предложенной проблематики.

SUMMARY. The article is devoted to methodological approaches to the study of images which function as an element of international interactions. The main accent is put on post-positivist research which seems to be the most heuristic one under the learning of the given problematics.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Имагология, конструктивизм, постструктурализм, образы Другого.

KEY WORDS. Imagology, constructivism, poststructuralism, images of the Other.

Изучение образов, которые одни государства или нации имеют в отношении других, имеет уже значительную историю. Литературоведы, историки и социологи говорят о том, что сформировалась отдельная сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны — имагология [6; 251]. Таким образом, имагология представляет собой не столько отдельную науку или дисциплину, сколько междисциплинарную область исследований.

Первые имагологические аспекты затрагивались еще в период эпохи Просвещения. По сути, тогда сами представления о нациях были примордиалистскими: нация рассматривалась как культурная, этническая и антропологическая данность, имеющая собственный национальный характер, образцы культурного поведения. Философскому мышлению этого этапа соответствовал поиск стереотипов как устойчивых форм представлений одной нации о другой.

В рамках позитивизма, утвердившегося в европейской науке в конце XIX века, размышления об образах стали приобретать более научные очертания. Нации утратили трансцендентальную основу и были историзированы как объект изучения, т.е. воспринимались как результат исторических решений и об-

---

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (мероприятие 1.2.2 — IV очередь)

стоятельств. Тем не менее, в основе все же оставалась идея о нации как онтологически автономной единице [2; 20].

Если исходить из восприятия научного развития сквозь призму теории научно-исследовательских программ И. Лакатоса, то стоит констатировать, что позитивизм до сих пор сохраняется как довольно успешная научно-исследовательская программа. Например, в отечественной науке изучается восприятие России на Западе, причем Запад в этой связи воспринимается как историко-культурная целостность, имеющая относительно устойчивое ядро представлений о России. В частности, В.Ф. Шаповалов исходит из идеи о том, что «в 30-40-е годы XIX века окончательно оформляются основы того западного мифа о России, который с некоторыми модификациями остается в силе и до наших дней, определяя собой отношение к России среднего человека Запада», причем «ядро западного мифа о России составляют, несомненно, представления о ней как стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности» [3; 53-54]. Этот исследователь допускает наличие отдельных более объективных взглядов на Россию, но как системный феномен он рассматривает именно антироссийскую мифологию западного сознания, сохраняющуюся на протяжении веков. Из той же предпосылки исходит Г. Вайнштейн: для него манипулирование образом России — это один из способов сознательного стремления Запада сдерживать Россию, которая желает вернуть утраченные после распада Советского Союза позиции и проводить независимый, нацеленный на реализацию национальных интересов курс [4].

Коренные изменения в изучении образов последовали с приходом в социально-гуманитарные науки когнитивной психологии, который обозначил начало т.н. бихевиористской революции. Бихевиористы считали, что образы представляют собой укорененные представления об окружающем мире, которые функционируют как контрольный механизм реакций на внешние обстоятельства. Образы являются изначально индивидуальными, они формируются как коллективные в ходе социальной коммуникации. При этом они являются как перцептивными (т.е. образующимися под влиянием особенностей восприятия), так и апперцептивными, или рациональными, осмысленными [5; 145].

Две мировые войны, антиколониальные движения привели к тому, что общества стали критически относиться как к образу самих себя, так и к образам других обществ. В социально-гуманитарном знании постепенно завоевывали позиции конструктивистские исследования, исходившие из того, что носитель образов — это субъект, включенный в социальный процесс. Работы Э. Саида, Л. Вульфа, И. Нойманна показали, что образы функционируют как элемент политической реальности и являются элементами конструирования собственной национальной / культурной идентичности. В академических кругах пали такие бастионы верований, как понятия «Восток» и «Восточная Европа», а в литературоведении больше внимания стали уделять не тому, как Томас Манн описывал современную ему Германию, а с каких социальных позиций он это делал (как житель Любека, буржуа или европейский интеллеktуал) [2; 27].

Конструктивисты изучают образы Других, основываясь на представлении, что существование собственной идентичности в принципе невозможно без противопоставления ее внешним Другим. Восприятие Других изначально искажено, их черты вытесняются из круга черт, якобы свойственных собственному проекту «Я».

Конструктивистская программа опирается в основном на макроструктурный анализ и отыскивает относительно стабильные образы Других, функционирующие как основа для устойчивых элементов национальной идентичности. О наличии таких элементов писали как американские (А. Вендт), так и европейские (О. Вэвер) конструктивисты. Изменения идентичности, по их мнению, происходят в контексте макроструктурных сдвигов, в повседневности же изменения в проектах идентичности касаются скорее периферийных ее элементов.

Хорошим примером использования конструктивизма в раскрытии влияния образов на международные отношения является концепция региональных комплексов безопасности, предложенная О. Вэвером и Б. Бузаном. Исследователи разделили практически все мирополитическое пространство на отдельные региональные комплексы безопасности, которые возникают в т.ч. благодаря внутренним практикам секьюритизации, т.е. процессам идентификации угроз, которые могут исходить как от других частей комплекса, так и извне. Концепция Вэвера-Бузана генетически взаимосвязана с теорией К. Шмитта, так как также предполагает идентификацию друзей и врагов, которую вынужден проводить каждый политический субъект [6].

Постструктурализм, который в своих основных положениях созвучен концепту постмодерна, пошел дальше в деконструкции феномена образов. Он подверг их большей дифференциации и диссеминации: образы стали превращаться в нестабильные, текучие конструкты. Среди знаковых категорий в этой связи стоит отметить понятие «симулякр».

Постструктурализм заявил о том, что любое семиотическое пространство нестабильно и неокончательно, и процесс придания ему значений бесконечен. По образному выражению Жака Рансьера, образы не обязательно приводят к формированию «коллективных тел», то есть сплоченных социальных групп. Наоборот, они обозначают линии разрывов и отрывов, стимулируя тем самым нарушения устоявшихся порядков (символических, политических, интерпретационных и пр.) и тем самым бросают вызов доминирующему политическому дискурсу. «Эстетический режим искусств», продолжает Ж. Рансьер, смещает пространственные иерархии и отношения инклюзии — эксклюзии. Значимость спектакля, полагает французский философ, определяется тем, что он не вписывается в существующие смыслы и, таким образом, сопротивляется стабильным, то есть строго фиксируемым, обозначениям [7; 39,63].

Нация в этой связи есть «семантико-метафорический конструкт», очень мобильный и изменчивый, состоящий из множества «плавающих означающих», которые очень трудно уловить, объяснить и тем более зафиксировать (свое и чужое, вражда и дружба, и т.д.). И, тем не менее, эта расплывчатая неточность ни в коей мере не является ни проблемой, ни препятствием для победного шествия этих «означающих» по различным дискурсивным полям именно в силу того, что открытость всегда есть приглашение к борьбе за интерпретацию, или гегемонию, по выражению известных теоретиков постструктурализма Э. Лаклау и Ш. Муфф [8].

Постструктуралистские исследования, как было отмечено, склонны дифференцировать изучаемую реальность. Например, если позитивист или конструктивист будут исходить из противопоставления «Европы» и «России», то такие исследователи, как В. Морозов, обратятся к фигурам «ложной» и «истинной» Европы, которые актуальны для российского дискурса [9]. Для постструктура-

---

листов в не меньшей степени сомнительным будет употребление такого понятия как Запад, у которого сегодня отсутствуют цементирующие основания, присутствовавшие в период холодной войны.

В области исторических исследований с опорой на наследие М. Фуко, который предложил новую трактовку концепции «власть», получила сегодня распространение такая область знания как потестарная имагология. Историки, использующие данный метод, изучают различные образы власти, причем «на первом плане оказывается коммуникативный аспект власти, они понимают ее как такое общение, в ходе которого подтверждается или оспаривается легитимность существующего порядка, обозначаются желательные или, напротив, нежелательные альтернативы ему, выражаются ожидания и опасения разных групп как правящей элиты, так и подвластного большинства» [10]. Потестарные имагологи стремятся найти «центр» власти в данном обществе, при этом он может быть идентифицирован не только в каком-то политическом институте, но и в таком понятии как «Бог». Особенно важным является то, что ритуалы, связанные с воспроизводством властных представлений, рассматриваются как очень нестабильные: даже повторение, казалось бы, одного и того же ритуала давало всякий раз другую комбинацию смыслов.

Образы можно реконструировать, конструировать, подвергать деконструкции, искать следы современных предрассудков в остатках исторической памяти. А причины коррекции образов можно видеть в способности блокировать или, напротив, интенсифицировать позитивные/негативные элементы памяти. Этничность, т.е. идентификация других по принципу совместного исторического и современного взаимодействия, является важнейшим объектом имагологии. Бытовое и рафинированное сознание оказывается сосредоточием различных качеств, которые непосредственно и опосредованно влияют на межнациональные и международные практики взаимодействия. Здесь особое место занимает проблема языка, который давно уже перестал восприниматься как пассивное средство выражение мысли. Язык и текст сами организуют реальность (для нас это образ другого) по определенным правилам.

Несомненная значимость в создании и реконструкции представлений о внешнем жизненном пространстве, об образе чужой страны принадлежит национальной литературе. Устойчивый интерес немцев к России обусловлен не всегда простыми, но традиционно тесными взаимоотношениями и особенно интенсивными контактами в постсоветский период. Произведения немецкой литературы становятся зеркалом этого непрекращающегося процесса, отражая, с разных сторон раскрывая элементы мозаики жизни российского общества и формируя в немецком сознании образ современной России.

Образ, как и любая другая жизненная реалия, находится в динамическом состоянии и претерпевает изменения. Однако новое представление включает в себя следы прежнего образа (так называемого «архаического стереотипа» — исторически сложившегося предрассудка) [11], сохраняя и развивая либо искореняя его, находясь с ним в противоречии или даже конфликте.

Формирование современного литературного образа России постсоветского времени в произведениях немецких авторов также неотъемлемо от некоторых стереотипных представлений о России, возникших в прошлом под

острым политическим влиянием. Так, Вольфрам Витте относит к политизированным представлениям о России «образ гигантской холодной страны; представления о русском человеке, как о душевном, любящем песню и глубоко верующем, которому, однако, не чужды пьянство, насилие и примитивная жестокость; представления о недоразвитом обществе, находящемся в полурабском подчинении у власть имущих», отсталость России по сравнению с Германией в общем экономическом, социальном и политическом развитии [12; 238].

Размышляя о настоящем образе России в немецкой литературе, Д.А. Чугунов приходит к выводу, что новейшие художественные произведения Германии стоят на пути освобождения от идеологических штампов отражения России как тоталитарного общества, от архаических стереотипов, уступая место продуманному анализу истории и национального своеобразия [13; 232].

К подобным произведениям можно отнести книгу Инго Шульце «33 мгновения счастья. Записки немцев о приключениях в Питере» (1995). Автор представляет немецкому читателю набор ярких картинок из современной русской действительности и создает ее образ, опираясь на постмодернистскую программу хаоса и монтируя в тексте собственное авторское и заимствованное из современной русской прозы [14; 155]. Журналист создает своеобразный художественный гипертекст, отсылая читателя к мыслям русских писателей, что делает образ России более правдоподобным. В произведении представлены также и негативные моменты русской жизни), что послужило упреком автору в русофобстве, но с другой стороны — отразило реальность в объективной форме. Рассказчик признает, что его изначально пренебрежительное и ироничное отношение к России претерпевает трансформацию, он доносит до читателя ощущение настоящей русской глубины души и человечности, которая сохранилась в русском обществе, несмотря на переломный момент перестройки.

Разрушение стереотипа тоталитаризма, исходящего с востока, и рождение новой России, не ассоциирующейся с бывшим Советским Союзом, наглядно представлено в романе Томаса Бруссига «Герои как мы» «Helden wie wir» (1995), высмеивающем догмы поведения в социалистическом обществе и освобождая Россию от стереотипа коммунистического общества [15; 293].

Также Сибирь как прежний символ страшного места подавления личности в Советском Союзе стала обычным удаленным регионом на карте России, что показывает произведение Тани Дюккерс «Игровая зона» «Spielzone» (2002) [16; 25].

Особое место в создании образа постсоветской России в немецкой литературе принадлежит произведениям писателей, эмигрировавших в Германию. Так, авторская позиция Владимира Каминера, который живет в Германии с 1990 г., в изображении российской действительности очень своеобразна, провокационна и доходит часто до абсурда (к примеру, в изображении таких «символов» постсоветской России, как бедные граждане, новые русские, преступность, деньги, кризис общества). Писатель раскрывает немецкому читателю, причем в утрированной форме, русскую экзотику, формируя искусственный образ России и закрывая глаза несведущему немцу на объективную русскую действительность.

Создание образа постсоветской России в немецком литературном пространстве непременно содержит субъективный компонент, авторское видение российской действительности, неотъемлемое присутствие автора в произведении.

Возможности «исчезновения автора», расширения спектра и повышения объективности и наглядности элементов, образующих образ России после распада советского времени, предоставляет электронная гипертекстовая среда как идеальное место для сетевой литературы — гипертекстовых литературных произведений в компьютерном пространстве. Как нелинейное, незавершенное, открытое образование литературный гипертекст может включать ссылки на «чужие», внешние тексты, что будет являться расширением информационного пространства и включением неавторских объективных элементов. Гипермедийность гипертекстового произведения, то есть использование всей палитры статических и кинетических графических, аудио- и видеообъектов из различных источников, также позволяет передать реалии жизни в естественной, неискаженной, не тронутой автором форме. Сетература предоставляет читателю право выбора и превращает чтение в игру с текстом, в процессе которой рождается каждый раз новый читатель, а вместе с тем и новый образ России в зависимости от выбранного читателем пути.

Рассмотрев подход основных научно-исследовательских программ к проблематике образов, стоит отметить эвристическую и аналитическую силу конструктивизма и постструктурализма. Большая часть исследований образов сегодня если и не ссылается напрямую на эти школы, то заимствует из них базовые предпосылки.

В рамках проекта «Образы постсоветской России в Германии: факторы формирования, эволюция и политическое содержание (1992-2011 гг.)», стартового в Тюменском государственном университете при поддержке Министерства образования и науки РФ, будет предпринята попытка рассмотреть германский нарратив, а точнее — нарративы, не просто как элемент европейского дискурса, а относительно автономный дискурс, который возникает под влиянием самых разнообразных факторов — как прагматических национальных (прежде всего экономических) интересов, особенностей германской истории и истории взаимоотношений с Россией, так и актуальной общеевропейской политической конъюнктуры. Немецкие образы Германии в этом контексте будут анализироваться скорее в контексте проблематики идентификации немцами себя самих. А этот процесс, как показывают события, связанные с позицией Германии по Ливии, односторонним отказом от ядерной энергетики, кризисом традиционных политических партий, снова входит в период турбулентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251-253.
2. Leerssen, J. Imagology: history and method // Manfred Beller & Joep Leerssen (eds.), Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam: Rodopi, 2007. Pp. 17-32.
3. Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. 2000. №1. С. 51-67.
4. Вайнштейн Г. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // Неприкосновенный запас. 2007. № 51.

5. Behrendt, J.P. Das Deutschlandbild als Forschungsgegenstand: Perzeption, Imagination und Veräußerlichung // Ingeborg Reichle, Steffen Siegel, Achim Spelten (Hg.), Verwandte Bilder: Die Fragen der Bildwissenschaft. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2007. Pp. 131-146.
6. Buzan, B., Wæver, O. Regions and Powers: the Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
7. Ranciere, J. The Politics of Aesthetics. London, New York: Continuum, 2004.
8. Laclau, E., Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. Verso, 2001.
9. Морозов В. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.
10. Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010. С. 5-37.
11. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.) М., 2000.
12. Витте В. Образы России у немцев в XX веке // Россия и Германия. Вып. I. М., 1998.
13. Чугунов Д.А. Образ России в современно немецкой литературе // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 2. С. 229-247.
14. Шульце И. Был солнечный апрельский день... // 33 мгновения счастья: Записки немцев о приключениях в Питере. СПб., 2000.
15. Brussig T. Helden wie wir. Frankfurt am Main, 2002.
16. Dücker, T. Spielzone . Berlin, 1999.